
О. И. Шкаратан

**ЭТНО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТАТАРСКОЙ АССР**

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

Одной из первоочередных задач диктатуры пролетариата в многонациональной стране является ликвидация национального гнета и неравенства¹.

Но уничтожение национального гнета и юридическое равенство наций составляют лишь первый и, пожалуй, самый простой шаг в решении национальной проблемы. Само неравенство этносов в досоциалистических формациях, доведенное при капитализме до гнуснейших форм колониального угнетения, основывалось на реальном разрыве в уровнях экономического и социального развития. «Поэтому,— подчеркивал В. И. Ленин,— интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»².

Коммунистическая партия и Советское правительство воплощают на практике ленинские принципы пролетарского интернационализма. Результаты этой политики общеизвестны. У нашей Коммунистической партии были все основания записать в своей программе, принятой XXII съездом: «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»³.

Однако было бы неправильно сказать, что в СССР нет уже никаких проблем национального развития и межнациональных отношений. Высокие темпы развития экономики и культуры еще не ликвидировали полностью некоторых различий между нациями. Следы их мы еще находим и в разных издержках на производство одной и той же продукции, и в доле квалифицированных рабочих и интеллигенции к общей численности населения, и в степени распространенности отдельных атрибутов современной культуры, степени комфортности быта и т. д. Но мера различий носит принципиально другой характер, чем в капиталистическом мире. В наших условиях речь идет о второстепенных социальных различиях между народами, находящимися исторически на одной и той же стадии экономического и социального развития, в капиталистическом же мире — о непреодолимых и антагонистических межстадиальных различиях.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 256.

² Там же, т. 45, стр. 359.

³ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 330.

В процессе перехода от социализма к коммунизму в обществе происходят сложные структурные изменения, связанные с процессом социально-классового и национального сближения. Эти процессы должны быть изучены и осмыслены не изолированно друг от друга (такие исследования еще бытуют в нашей науке), а в комплексе.

Таков и был замысел первого комплексного изыскания, предпринятого сектором конкретно-социологических исследований по проблемам культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР в 1967—1968 гг.

Статья посвящена рассмотрению одного из важных аспектов сближения советских наций — выравниванию социально-профессиональной структуры городского населения в этнически разнородной среде⁴. Причем фактический материал, относящийся лишь к татарам и русским, проживающим на территории Татарской АССР, ставит и ограничения выводам.

В основу исследования было положено представление о первичности социально-экономических процессов по отношению к этническим, демографическим и культурно-бытовым.

В условиях советского социалистического общества по мере развертывания научно-технической революции все более возрастает социальное значение квалифицированных промышленных рабочих, связанных с передовой техникой, занятых трудом повышенной сложности, а также научно-технической интеллигенции.

Поэтому была сформулирована гипотеза о том, что свидетельством сближения и выравнивания наций является прежде всего равновеликое и в одинаковой мере эффективное⁵ участие представителей разных этносов в этих прогрессивных видах трудовой деятельности, а тем самым равная доля соответствующих социально-профессиональных групп в социальном составе этносов.

Вторая существенная гипотеза сводилась к предположению о том, что именно эти группы населения являются наиболее активными носителями прогресса в области межнациональных отношений. Объективными (и решающими) показателями этого явления служат данные о сближении в быту и культуре (об этом, прежде всего, говорят сведения о структуре социо-культурного потребления, о составе дружеского окружения и национальной принадлежности супругов и т. д.). Известное значение имеют, конечно, и субъективные оценки межнациональных контактов.

Мы также предположили, что процессу межнационального сближения содействуют урбанизация районов со смешанным национальным составом, увеличение доли потомственных горожан, особенно потомственных кадровых рабочих и технической интеллигенции. Была сформулирована и гипотеза о том, что этот процесс ускоряется в поселениях, где наблюдается высокий уровень социальной мобильности.

В связи с последними двумя гипотезами, а также ввиду существенно-сти разделения общества на городских и сельских жителей изучение со-

⁴ Подход автора статьи к основным понятиям, которыми приходится оперировать в этно-социологических исследованиях, в том числе его отношение к интерпретации такой категории, как «нация», кратко изложен в тезисах «О взаимодействии социальных и этнических процессов» (см. «Тезисы докладов на сессии Отделения истории Академии наук СССР, посвященной 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г.», Л., 1969, стр. 54—58).

⁵ Показателями эффективности в условиях равной оплаты за равный труд служит размер заработной платы, а также участие в рационализаторстве и изобретательстве. Другие экономические показатели (типа данных о квалификационных разрядах, производительности труда) не могли быть использованы в исследовании, охватывающем все трудовое население, а не работников конкретной отрасли народного хозяйства.

циально-этнических процессов велось автономно по городу и по селу; программы были близкие, но совпадали не полностью⁶.

В качестве объекта исследования была избрана Татарская АССР. Таким образом, изучалось взаимодействие двух развитых в экономическом и культурном отношениях наций СССР (русские и татары), имеющих длительный опыт совместного проживания и значительно различающихся по традициям в быту и культуре. Изучение велось в зоне проживания ядра татарской нации. Пропорции социального состава русских в городах Татарии соответствуют показателям состава населения городов коренных русских районов.

Хотелось бы подчеркнуть, что Татария выделяется среди других республик того района, относительно которого Энгельс писал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁷. Татария, издавна включенная в состав общероссийского рынка, достигла среднего уровня развития капитализма к моменту социалистической революции, а в ходе социалистического строительства раньше других республик достигла показателей, близких к уровню социально-экономического и культурного развития коренных русских областей.

Характерно, что если в 1939 г. на 1000 русских, проживающих в Татарии, приходилось 82 человека, имеющих высшее, среднее и неполное среднее образование, то у татар аналогичный показатель равнялся 45. Перепись 1959 г. продемонстрировала принципиально иное соотношение: 284 чел. из русских имели образование не ниже неполного среднего, а у татар — 235 чел. По данным нашего выборочного обследования, относящегося к 1967 г., этот разрыв уже почти совсем уничтожен (об этом см. ниже).

Были отобраны города, значительно отличающиеся по интенсивности социальных и этнических процессов и отражающие основные типы численно преобладающих в СССР городских поселений.

Отбор городов производился на основе следующих принципов. Города были классифицированы по критериям: а) экономической структуры; б) социально-профессиональной структуры населения и темпам социальной мобильности; в) этнической структуры.

На данном этапе мы выделили три города, представляющие определенные типы поселений: Казань — крупный город с многоотраслевым народным хозяйством, город, в котором представлены все основные социальные группы населения, город с высоким уровнем социальной мобильности. Альметьевск — средний по размеру промышленный город, в котором высоки темпы развития ряда отраслей индустрии, сравнительно высока вертикальная мобильность, но ограничены возможности горизонтальной мобильности, особенно за сферу материального производства. Мензелинск — небольшой город со слаборазвитой промышленностью, в котором наличествуют лишь отдельные элементы социальной структуры городского населения страны, а возможности социальной мобильности крайне ограничены.

В каждом городе были выделены пропорционально их численности социальные группы населения, различающиеся характером трудовой деятельности; эти группы являются элементами социально-профессиональной структуры⁸.

⁶ Первые результаты исследований по селу суммированы в статьях: Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, «Вопросы философии», 1969, № 12.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

⁸ Обоснование принципов группировки см.: И. Н. Таганов, О. И. Шкаратан, Исследование социальных структур методом энтропийного анализа, «Вопросы философии», 1969, № 5.

Таблица 1

Распределение лиц различных национальностей по социально-профессиональным группам

Социально-профессиональная группа	% к общему числу работающих									Всего опрошено, % к итогу по столбцу		
	Русские			Татары			Прочие					
	Казань	Альметьевск	Мензелинск	Казань	Альметьевск	Мензелинск	Казань	Альметьевск	Мензелинск	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	53,8	47,1	67,5	43,4	44,3	32,5	2,8	8,6	—	13,4	14,5	18,4
Работники квалифицированного, преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах	62,2	49,7	57,0	35,9	41,4	41,0	1,9	8,9	2,0	24,9	20,5	22,8
Работники квалифицированного, преимущественно физического ручного труда	59,4	50,0	62,4	37,8	41,6	32,7	2,8	7,4	4,9	24,8	22,5	18,6
Работники квалифицированного нефизического труда без специального образования	66,8	56,3	63,8	31,6	39,3	31,3	1,6	4,5	4,9	10,7	12,3	16,1
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	46,7	48,7	66,7	50,0	43,2	—	3,3	8,1	33,3	0,7	1,8	0,3
Работники квалифицированного умственного труда	63,9	58,1	60,7	28,8	32,2	37,2	7,3	9,7	2,1	15,5	16,4	16,5
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	71,8	45,5	50,0	17,6	45,5	—	10,6	9,0	50,0	2,0	0,5	0,2
Работники высококвалифицированного труда, так называемых творческих профессий	67,4	50,0	—	23,3	25,0	—	9,3	25,0	—	1,0	0,1	—
Руководители малых производственных коллективов	61,9	61,3	48,1	29,3	28,7	51,9	8,8	10,0	—	4,8	7,5	5,9
Руководители трудовых коллективов (начиная с начальников цехов и других аналогичных подразделений), общественных и государственных организаций	71,0	53,9	36,4	19,3	33,3	54,5	9,7	12,8	9,1	2,2	3,9	1,2
Итого	61,4	52,8	60,6	34,7	38,9	36,4	3,9	8,3	3,0	42,3	40,2	40,0

Национальный состав городского населения Татарской АССР складывается из двух основных этнических компонентов: русских и татар. По переписи 1959 г. в городах республики русские составляли 61,0, татары — 33,3%. При этом в Казани доля русских равнялась 62,0%, а татар — 33,3%; в Альметьевске соответственно — 48,3% и 43,3%; в Мензелинске — 62,7% и 34,8%. Национальный состав жителей в этих городах за последнее десятилетие почти не изменился. Об этом свидетельствуют данные текущего учета Статистического управления ТАССР. В 1968 г. среди жителей Казани русские составляли 61,9%, а татары — 33,2%, в Альметьевске на ту же дату русские — 48,0%, татары — 43,6%; в Мензелинске на долю русских приходилось в 1968 г. 62,1% жителей, а на татар — 35,9%.

Исследование, проведенное в городах Татарии, было пробным, рассчитанным на проверку первоначальных гипотез и методик. В основу его были положены результаты выборочного опроса горожан, проведенного по «Опросному листу для интервью», предварительно опробованного на 150 жителях Казани. Всего было проинтервьюировано 7,23 тыс. горожан⁹. Помимо этого были использованы материалы непосредственных наблюдений, государственной статистики, а также делопроизводственные источники.

Остановимся, прежде всего, на социальном составе татар и русских (см. табл. 1)¹⁰.

Из табл. 1 видно, что к концу 1960-х годов (опрос проводился в сентябре — октябре 1967 г.) возможности лиц разных национальностей заниматься трудом равной степени сложности и ответственности стали практически равны. Например, по Казани, где работающих русских почти в два раза больше, чем татар, мы обнаруживаем лишь некоторое отставание татар, которые более активно представлены в группе работников малоквалифицированного физического труда и еще отстают от русских в занятости высококвалифицированным научно-техническим трудом. Если среди всех работников народного хозяйства Казани татар 34,7%, то среди неквалифицированных работников — 43,4%, т. е. на 9,7% больше, чем должно было бы быть при равновеликом представительстве всех национальностей в этом виде труда. В то же время их на 17,1% меньше против теоретической вероятности в группе работников научно-технического труда. В числе работников массовых профессий квалифицированного умственного труда доля татар близка к теоретически вероятной (28,8% против 34,7%).

Эти же выводы подтверждаются, правда несколько устаревшими данными переписи населения 1959 г., полученными нами в Республиканском статистическом управлении. По этим материалам среди руководителей предприятий в городах Татарии процент русских равен 77,9, а татар — 22,1. Среди инженеров и конструкторов процент русских равен 79,6, а татар — 20,4, среди такой значительной профессиональной категории, как слесари, процент русских равен 68,9, а татар — 31,9. Таким образом, данные выборочного обследования, проведенного спустя 9 лет после переписи, дают совпадающие по важнейшим своим характеристикам показатели.

О квалификационном уровне татар и русских в пределах одной и той же социально-профессиональной группы можно судить по такому показателю, как зарплата, которая отражает качественные и количественные показатели труда. Как показывают данные социологического исследования в Казани, татары и русские имеют примерно одинаковый уровень заработной платы. Незначительные различия (в 1—3 рубля) наблюдаются в одних случаях в пользу татар, в других — в пользу русских. Исключение составляет группа работников, занятых высококвалифицированным научно-техническим трудом (средняя зарплата у русских, — 160,4 руб., у татар — 130,3 руб.).

Возникает вопрос: каковы причины упомянутого отставания татарской технической интеллигенции от русской? Ведь в условиях социалистического государства и русские, и татары, как и лица других национальностей, получают школьную подготовку по одним и тем же программам, да и, как показало обследование, большинство татар-горожан училось в школах с обучением на русском языке. Высшее же образование и татары и русские получали в одних и тех же учебных заведениях. Среднее

⁹ Схема выборки кратко изложена в статье: Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (по материалам социологического исследования), «Сов. этнография», 1968, № 5.

¹⁰ Все таблицы составлены по материалам опроса.

число лет обучения у специалистов, занятых научно-техническим трудом, составляет у русских 14,2 года, у татар — 14,5 лет обучения. В составе татар, занятых научно-техническим трудом, процент лиц, имеющих высшее законченное образование, равняется 73,3, а в составе русских, занятых этим же видом деятельности — 70,7.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что уровень профессиональной подготовки должен дать работникам одну и ту же эффективность. Однако данные по возрасту показывают существенные отличия состава русских и татар, занятых высококвалифицированным научно-техническим трудом (средний возраст татар, по данному обследованию, — 29,6 лет, а русских — 34,9). Таким образом, татарская научно-техническая интеллигенция значительно моложе по составу русской. Отсюда, естественно, — меньший профессиональный опыт и несколько более низкая заработная плата.

Обратимся теперь к данным социологического исследования по такому существенному показателю, как эффективность работника. Всего по Казани доля русских, занимающихся совершенствованием производства, составляет 21,2%, татар — 17,2%. Некоторое отставание имеет место, однако несущественное. Сложнее обстоит дело в отдельных социально-профессиональных группах. Так, среди рабочих квалифицированного физического труда, занятых у машин и механизмов, участвуют в рационализаторстве и изобретательстве среди русских 13,1%, среди татар несколько больше — 13,3%. Заметное отставание татар наблюдается в группе работников высококвалифицированного научно-технического труда. Здесь доля занятых рационализаторством и изобретательством у русских 45,9%, а у татар — 26,7%. Таким образом, и здесь наблюдается картина, аналогичная размерам заработной платы. И причины здесь те же самые.

Итак, можно сделать первый существенный вывод о том, что на современном этапе развития нашего общества татары-горожане достигли примерно тех же показателей социального развития, что и русские. Это является главным свидетельством сближения и выравнивания уровней социального развития наций.

Однако уже приведенные данные показывают, что ситуация, наблюдаемая в настоящее время, сложилась сравнительно недавно. Поэтому интересно проследить темпы и характер изменений социального уровня татар по сравнению с темпами изменений у русских, т. е. рассмотреть факты относительно межпоколенной и внутривнутрипоколенной социальной мобильности.

Начнем с данных, показывающих распределение русских и татар по социально-профессиональным группам в разных возрастах. Для простоты картины ограничимся следующими обобщенными цифрами. Все работники народного хозяйства (в данном случае Казани) разбиты нами на две группы: работников физического и малоквалифицированного нефизического труда и работников квалифицированного умственного труда. Для рассмотрения взяты две возрастные группы: группа от 23 до 27 лет (как представители молодежной группы, профессионально уже определившиеся, отражающие особенности социального развития нашего общества в 60-е годы) и группа от 50 до 55 лет (отражающая ситуацию предвоенного периода). В первой возрастной группе у татар распределение между работниками физического и малоквалифицированного нефизического труда, с одной стороны, и лицами квалифицированного умственного — с другой, соответственно составляет 80,5% к 19,5%. У русских доля работников умственного труда незначительно больше — 19,8%. Иначе выглядит положение дел во второй возрастной группе. Здесь в татарской части работающего населения Казани доля работников умственного труда равна 20,1%, тогда как у русских — 29,7%. Таким образом, социальная межпоколенная мобильность у татарского населения

значительно выше. Причем заметим, что речь идет о сравнении поколений 1930-х и 1960-х гг., т. е. поколений, вступивших в трудовой возраст при социализме, но первое из них, когда социализм в нашей стране был только что построен, а второе — в условиях развитого социалистического общества.

Внутрипоколенная мобильность складывается у русских и татар примерно одинаково. Русские, начавшие свою трудовую деятельность рабочими неквалифицированного физического труда, в 25% случаев таковыми и остались к моменту опроса, у татар же аналогичный показатель — 31,5%. Квалифицированными рабочими стали на момент опроса почти 58% русских и 52,5% татар. Работниками квалифицированного умственного труда разных категорий стали 9,5% русских и 8,5% татар. Аналогично положение и в других группах.

Для рассмотрения социальной мобильности особое значение имеет анализ динамики социального положения семьи от поколения к поколению.

В семейной карте, включенной в опросный лист, который использовался при обследовании в ТАССР, были выделены все взрослые члены семьи, работавшие или находившиеся на пенсии в момент опроса. Семьи были разделены на десять групп. Первая группа — семьи, где наблюдался рост социального уровня без перехода членов семьи на должности, которые требуют высшего образования. Вторая группа — семьи, в которых рост социально-профессионального статуса от поколения к поколению был связан с переходом части членов семьи на работу, требующую высшего образования. Третья группа — семьи, в которых младшее и старшее поколения сохранили примерно равный социально-профессиональный статус, но в пределах занятий, требующих не более среднего специального образования. Четвертая группа — семьи, где от старшего к младшему поколению не наблюдался рост социального статуса, но и в старшем и младшем поколениях имелись лица, занятые видами труда, которые требуют высшего образования. Пятая группа — семьи, в которых имел место спад, переход младшего поколения на более низкий социально-профессиональный статус, причем и в старшем, и в младшем поколениях в пределах видов труда, не требующих образования выше среднего. Шестая группа — семьи, где в старшем поколении были лица, занятые трудом, который требует высшего образования, а в младшем поколении представителей этого вида труда не было.

Седьмая — десятая группа охватывали семьи, в которых работали представители трех поколений. Таких семей, естественно, оказалось сравнительно немного, поэтому полученные нами данные статистически нерепрезентативны, однако для характеристики определенных процессов их можно использовать. В седьмую группу были отнесены семьи, где в младшем поколении произошли более прогрессивные изменения, чем в среднем, но и младшее поколение не выходило за пределы видов труда, который не требует высшего образования. Восьмую группу составили семьи, где в младшем поколении произошли более прогрессивные изменения, чем в среднем, но при этом в младшем поколении уже были лица, занятые на работе, которая требует высшего образования. Девятая группа — это семьи, в которых в младшем поколении были изменения менее прогрессивные, чем в среднем, однако социальный статус младшего поколения был более высок, чем старшего, при наличии высшего образования и у среднего, и у младшего поколений. К десятой группе были отнесены семьи, в которых в младшем поколении произошли менее прогрессивные изменения, чем в среднем, причем во всех случаях изменения не выходили за пределы видов труда, требующих образования не выше среднего¹¹.

¹¹ Методика группировки разработана Э. К. Васильевой. Нам кажется, что положенные в ее основу принципы могут быть полезными при дальнейших изысканиях на более широкой статистике.

Таблица 2

Средний уровень образования в Казани, Мензелинске и Альметьевске (в годах)*

Группы опрошенных	русские			татары		
	Казань $\bar{X}/S$	Альметьевск $\bar{X}/S$	Мензелинск $\bar{X}/S$	Казань $\bar{X}/S$	Альметьевск $\bar{X}/S$	Мензелинск $\bar{X}/S$
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	6,9/4,9	5,8/2,7	5,7/2,7	7,1/2,4	6,3/2,7	6,1/2,2
Работники квалифицированного, преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах	8,1/4,9	7,1/2,5	7,3/2,2	7,9/2,3	7,9/2,0	7,5/2,2
Работники квалифицированного, преимущественно физического ручного труда	7,7/4,4	7,5/2,8	7,2/2,5	8,0/2,4	7,7/2,4	7,7/2,5
Работники квалифицированного, нефизического труда без специального образования	9,1/4,0	9,2/2,3	9,3/2,5	9,4/2,1	9,4/2,1	8,9/2,0
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	10,8/4,6	11,9/1,9	14,0/1,0	9,7/2,7	10,9/2,3	—
Работники квалифицированного умственного труда	13,9/1,4	13,2/1,7	13,4/1,6	14,1/1,5	13,3/1,9	13,6/1,6
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	14,2/1,7	15,0/0,0	13,0/0,0	14,5/1,1	14,2/0,7	—
Работники высококвалифицированного труда, так называемых творческих профессий	13,7/2,0	15,0/0,0	—	13,9/1,5	15,0/0,0	15,0/0,0
Руководители трудовых коллективов, общественных и государственных организаций	12,3/2,7	12,6/2,5	13,4/1,8	13,0/2,2	13,3/2,7	12,2/2,7
По всем группам	9,4/3,5	9,1/3,6	8,5/3,1	9,0/3,2	9,0/3,3	8,9/3,4

* $\bar{x}$ — средний уровень образования (среднее число лет обучения); S — среднее квадратичное отклонение.

Обратимся теперь к некоторым цифровым показателям. Ввиду объема статистики мы вынуждены ограничиться данными по Казани.

К первому типу относилось 36,2% обследованных семей, ко второму типу — 14,5%. Это значит, что более половины семей (50,7%) обладает высоким уровнем социальной мобильности. Весьма значителен и процент семей, в которых происходит стабилизация социального уровня — это семьи третьего (27,6%) и четвертого (2,9%) типов.

Характерно, что семьи, в которых уровень среднесемейного социального статуса падает, представлены неизмеримо более скромной величиной, а именно 17,1%. При этом к пятому типу относится 10,5% семей и к шестому — 6,6%. Но в семьях шестого типа младшее поколение при наличии среднего образования еще имеет перспективу социального роста. Следовательно, говорить о том, что величиной в 6,6% выражается доля семей со снижающимся статусом, было бы опрометчиво.

Что касается семей седьмого — десятого типов, то их доля оказалась ничтожно мала — всего лишь 1,8%. Поэтому мы их не рассматриваем.

Таким образом, здесь нет соотношения, при котором, скажем, на 50% семей, повысивших свой социальный статус, приходилось бы 50% семей,

Таблица 3

**Показатели объема социо-культурного потребления среди русских и татар
(г. Казань)**

Социально-профессиональные группы	Среднее число книг в собственных библио- теках		Число посещений театров и концертов за год	
	русские	татары	русские	татары
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	25	22	4,5	4,8
Работники квалифицированного преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах	31	26	5,8	5,8
Работники квалифицированного, преимущественно физического ручного труда	35	27	5,5	6,1
Работники квалифицированного нефизического труда без специального образования	36	34	6,5	7,0
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	59	49	4,4	5,3
Работники квалифицированного умственного труда	157	135	6,5	8,0
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	196	163	6,1	8,7
Руководители трудовых коллективов общественных и государственных организаций	172	130	7,8	7,3

снизивших свой социальный статус. Речь идет о принципиальных изменениях социальной структуры, которые сопровождаются интенсивным возрастанием доли семей, социально продвинутых, об активном процессе повышения социальной однородности общества.

Остается невыясненным вопрос: есть ли какая-нибудь специфика в межпоколенной мобильности у русских и татар. При рассмотрении соответствующих данных выяснилось, что у русских к первому типу семей относится 35,4% опрошенных, а у татар — 39,1%, ко второму типу семей соответственно 14,8 и 13,3%. Аналогично выглядят данные, касающиеся третьего и четвертого типов семей, т. е. семей со стабилизировавшимся социальным уровнем.

Итак, можно признать, что на данном этапе социальное продвижение складывается у русских и татарских семей примерно одинаково.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей образа жизни у татар и русских с учетом в большинстве случаев социального положения. Известно, что важнейшей характеристикой социальных групп в современном обществе является образование. Образованием в значительной мере предопределяются черты повседневного образа жизни (селективность каналов массовой коммуникации, объем и структура социо-культурного потребления и т. д.). Поэтому остановимся в первую очередь на сравнении образовательной подготовки у русских и татар по социально-профессиональным группам.

Для экономии места в табл. 3 сведены воедино данные о среднем уровне образования во всех трех обследованных нами городах. Таблица 3 показывает, что уровень образования у русских и у татар в соответствующих социально-профессиональных группах весьма близкий, хотя в силу целого ряда причин некоторые колебания наблюдаются в одном случае в пользу русских, в другом — в пользу татар. Какой-либо явно выраженной закономерности здесь нет. По одним городам и в одних группах незначительно ниже образование у татар, по другим — у русских. Так, в Казани средний уровень образования у русских составляет 9,4 лет обучения, а у татар — 9 лет (в сумме по всем социально-профессиональным группам). В Мензелинске же образовательный уровень татарской части

населения несколько превосходит образовательный ценз русских (8,9 лет обучения против 8,5).

Рассмотрим данные по общественной деятельности. В Казани 50,8% русских находятся на выборной работе, либо выполняют общественные поручения, у татар соответствующий показатель равен 40,9%, причем анализ положения дел в конкретных социально-профессиональных группах по этому показателю не дает тех колебаний, которые наблюдались с рационализацией и изобретательством. Так, в только что рассмотренных группах обстановка такова: среди русских рабочих квалифицированного физического труда, занятых у машин и механизмов, участвует в общественной деятельности 38,6%, а среди татар той же группы—35,0%.

Среди работников высококвалифицированного научно-технического труда у русских в общественной работе участвует 88,5%, у татар, занятых таким же видом труда, — 73,3%. Это заставляет задуматься о неодновременности развития разных форм общественного сознания, о более интенсивном процессе выравнивания в социально-производственной сфере.

Специального разбора заслуживают данные о культуре и быте различных социально-профессиональных групп. Было бы неправильным сравнивать объемы социо-культурного потребления у лиц разных национальностей без учета различий в социальной структуре, объединяя в едином рассмотрении и русских, и татар. Но подобное дифференцированное описание требует немалого места и должно быть предметом специальной публикации. Здесь мы ограничимся лишь несколькими цифрами, касающимися двух важнейших показателей. Первый из них — наличие и размер собственных библиотек. По специальным расчетам, проведенным нами на базе матриц коэффициентов Чупрова, показатель наличия собственных библиотек и их размеров занял третье место по значимости среди характеристик социальных групп (после образования и заработной платы). Еще одним показателем служит посещение театров и концертов.

Таблица 3 характеризует объем социо-культурного потребления по этим двум показателям. Из табл. 3 со всей очевидностью следует вывод о том, что культурный облик татар и русских, выравненный по социальным группам, обладает определенным своеобразием, но не различается по уровню. Своеобразие же сводится к пропорциям между разными видами культурного потребления у этих двух этносов. Надо заметить, что объем бытового потребления, т. е. показатели наличия предметов культурно-бытового обихода, размеров и качества жилья и т. д., и т. п., ничем не отличаются у русских и татар.

Итак, можно сделать вывод о том, что в основных своих моментах образ жизни татарского и русского населения в соответствующих социальных группах совпадает. Таковы итоги ленинской национальной политики. Теперь необходимо посмотреть, в какой мере они воздействуют на характер межнациональных личных отношений.

Для ответа на этот вопрос мы располагаем двумя типами данных¹². Во-первых, сведениями о национальности друзей и супругов опрошенных. Во-вторых, ответами на вопросы, касающиеся национальных установок респондентов по их субъективным отзывам относительно серии проективных ситуаций. Остановимся сначала на данных, характеризующих реальное поведение опрошенных. Такая последовательность изложения целесообразна в связи с тем, что, на наш взгляд, устойчивая ценностная ориентация более надежно измеряется данными о реальном поведении, чем весьма неустойчивыми суждениями относительно проек-

¹² Здесь и далее приводятся данные по Казани. Положение по другим городам аналогичное.

тивных ситуаций. По нашим данным, было обнаружено, что во всех социально-профессиональных группах национальный состав ближайших друзей совпадает с национальным составом социального окружения опрошенных. Так, у русских рабочих физического труда во всех профессиональных группах доля друзей-татар составляет от 31 до 32%, а у русских — работников умственного труда — от 30 до 38%. По татарам мы получили такие же результаты. В среде работников физического труда доля друзей-русских колеблется между 40—38%, а у работников умственного труда от 41 до 47%. Характерно, что в среднем в составе друзей у татар 47,8% составляют татары, 42,4% — русские. У русских национальный состав друзей таков: 58,3 — русские, 31,9% — татары. Напомним что, по данным нашего выборочного опроса на октябрь 1967 г., национальный состав работающей части населения г. Казани был следующим: русских — 61,4%, татар — 34,7%. Таким образом, этот весьма существенный показатель реальных межличностных контактов показывает высокую степень интернационализма, присущую и татарскому, и русскому населению.

Обратимся теперь к отношениям в столь интимной сфере жизни, как браки. Как известно, в устойчивых этносах обычно преобладают однонациональные браки. По всем социально-профессиональным группам русского населения однонациональные браки составляют 91,6%, на браки же с лицами татарской национальности приходится 5,1%. У татар положение несколько иное. Здесь на долю браков с лицами той же национальности приходится 87,4%, на браки с русскими — 10,7%. Однако надо иметь в виду то обстоятельство, что в составе русского населения высок процент мигрантов из коренных русских районов. Часть этих мигрантов прибыла в ТАССР уже семейными людьми, а другие, естественно, не сразу адаптировались к межнациональным контактам.

Интересно проследить, каким образом складываются брачные связи в национальном разрезе по разным социально-профессиональным группам. Из русских рабочих квалифицированного физического труда 94,7% имели супругов русской национальности, а 2,9% — татарской. У работников квалифицированного умственного труда положение заметно другое. Здесь уже 6,6% супругов принадлежат к лицам татарской национальности, а среди руководителей предприятий и организаций процент супругов русской национальности падает до 73,8%, зато доля лиц татарской национальности поднимается до 14,7%.

Обратимся теперь к сведениям относительно национального состава супругов опрошенных нами татар. У квалифицированных рабочих, преимущественно физического труда, доля лиц, имеющих супругов той же национальности, составляла 88,5%, а имеющих супругов русской национальности — 10,3% (против 6,9% в составе неквалифицированных рабочих). У работников квалифицированного умственного труда в 76,9% случаев супруги также были татарами, а в 19,9% случаев — русскими. У руководителей предприятий и организаций соответствующие проценты равнялись 64,3 и 28,5.

Таким образом, теперь уже можно с достаточным основанием дать ответ на один из вопросов, составляющих цель исследования. И ответ этот, очевидно, сводится к тому, что те социальные группы, которые связаны с более сложными видами труда, которые могут быть оценены как социально продвинутое в составе населения советского города, на практике более активны в контактах с другими национальностями.

Обратимся теперь к ответам опрошенных, отражающим их установки относительно серии проективных ситуаций, аналогичных реальным ситуациям, рассмотренным выше. Проанализируем ответы русских и татар на вопрос: «Влияет ли на отношение в коллективе то, что в нем совместно трудятся люди разных национальностей». В числе возможных вариантов ответа был и такой: «Во многонациональном коллективе работать сложнее».

Неквалифицированные и квалифицированные рабочие физического труда и рядовые служащие татары лишь в 3% случаев выбрали этот вариант ответа, тогда как остальные, как правило, предпочли вариант ответа, что национальный состав не имеет значения. У русских по этим группам трудящихся доля отметивших сложность работы в многонациональном коллективе составляла 5—6%. Иное положение мы наблюдаем в интеллигентных группах населения. Лица высококвалифицированного научно-технического труда у русских предпочли этот вариант ответа в 13,1% случаев, у татар — в 6,7% случаев.

Прежде чем комментировать эти данные, рассмотрим информацию о предпочтительности выбора руководителей в зависимости от национальности. Подавляющее большинство рабочих и служащих (95—98%) отметили, что для них национальность руководителя не имеет значения. Мы не считаем, что такие данные следует абсолютизировать, но, видимо, нет никаких оснований думать, что степень искренности ответов в разных группах была различной, поэтому эти цифры могут быть использованы для анализа взаимодействия социального положения индивидов и степени притяжения межнациональных контактов на производстве.

В среднем среди русских отметили сложность работы в многонациональном коллективе 6,8% против 3,5% у татар. Относительно предпочтительности руководителя одной с опрашиваемым национальности позитивно высказались 6,4% у русских и 4,2% у татар.

О том, что это никак не связано с особым положением русских на производстве, свидетельствуют ответы на вопрос об удовлетворенности работой. В русской среде удовлетворенность содержанием работы не выше, чем в татарской. Так, в целом среди русских совершенно не удовлетворены содержанием своего труда (по всем социальным группам) 9,8%, у татар — 9,3%. При этом у квалифицированных рабочих физического труда среди русских доля совершенно неудовлетворенных содержанием труда — около 10%, среди татар — примерно 8%.

У работников же высококвалифицированного научно-технического труда принципиально другая ситуация. Здесь в русской среде наблюдается, как правило, полная или частичная удовлетворенность своим трудом, совершенно неудовлетворены всего 2,1%, тогда как у татар 27,3%. Среди руководителей производственными коллективами доля неудовлетворенных своей деятельностью у татар почти в четыре раза превосходит аналогичный показатель у русских и составляет 13,3%.

Мы предлагаем следующее предварительное объяснение этим данным. Выравнивание профессионально-квалификационного уровня приводит к такому положению, что и русские, и татары обладают резервом достаточно подготовленных работников для продвижения в высшие социальные группы. Определенная часть социально-мобильного населения в этих условиях склонна воспринимать межличностные конфликты, в том числе и связанные со служебным продвижением, как национальные. Об иллюзорности и ограниченном характере таких представлений свидетельствуют сопоставления ответов на вопросы о межнациональных контактах на производстве с ответами на вопрос о смешанных браках. Именно в русской интеллигентной среде, где сравнительно часто высказывались сомнения относительно желательности совместного труда с лицами иных национальностей, крайне редко звучали ответы о неприемлемости межнациональных браков (3,5—5%). Вообще следует иметь в виду, что если бы в этих группах русского населения существовала национальная несовместимость, то доля негативных суждений о межнациональных контактах возрастала бы при переходе к более интимным сторонам жизни. Между тем только что приведенные данные говорят об обратном. Наши данные, которые можно оценить как предварительные, служат важным доказательством отсутствия устойчивого отрицательного отношения к представителям другой национальности. Такое устойчи-

вое отношение обычно связано со стабильными социально-экономическими противоречиями. В советских же условиях, как мы убедились и на материале по социальному составу, по социальной мобильности и по образу жизни, нет базы для таких противоречий. Речь, следовательно, должна идти о каких-то временных явлениях и соответственно в области социальной психологии о нестабильных, неустойчивых установках, не являющихся постоянными и важными элементами социально-групповой ценностной ориентации. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что оценка межнациональных контактов относительно проективной ситуации несколько менее благоприятна, особенно в интеллигентных группах населения, чем реальная практика этих контактов. Это особенно очевидно из данных о национальном составе супружеских пар в разных социальных группах.

Полученные нами фактические данные говорят о том, что развитие татарской нации, формирование национальных кадров интеллигенции и рабочего класса проходят в условиях интенсивной иммиграции русского населения в Татарию. ТАССР географически расположена на пересечении транспортных артерий страны, она обладает самой дешевой в стране нефтью (на сегодняшний день Татария дает почти треть всей общесоюзной добычи нефти). Такие богатства не могут быть освоены только коренным населением, и требуется привлечение общесоюзных материальных и людских ресурсов. В результате мы наблюдаем, наряду с усилением национальной консолидации в связи с форсированным развитием экономики, процесс перемешивания населения, процесс уменьшения компактности проживания татарского населения. При этом национальное равноправие создает все условия к тому, чтобы процесс адаптации не сопровождался ассимиляцией. В этой связи характерны данные о принятии национальности детьми, рожденными в смешанных браках. В тех случаях, когда отец татарин, а мать русская лишь 48,6% указывают русскую национальность. Таким образом, картина здесь совершенно другая, чем в капиталистических странах.

Противоречит ли это сведениям о том, что родители обычно предпочитают отдавать своих детей в русскую школу и т. д.? Нет, не противоречит. Русский язык дает возможность приобщения к тем стандартам мировой культуры, которые обеспечивают наиболее безболезненную адаптацию к социальным нормам и к выполнению социальных функций в современном обществе, переживающем научно-техническую революцию. Однако этот процесс, конечно, связан с некоторыми проблемами в развитии национальной культуры. По нашим данным, в Казани среди татар, занятых неквалифицированным физическим трудом, лишь 2,1% совсем не владели татарским языком, 11,5% только говорили по-татарски, 12% говорили и читали, 74,4% свободно говорили, писали и читали. Среди татар, занятых квалифицированным физическим трудом, 3,5% совсем не знали татарского языка, 9,6% только говорили, 11,2% читали и говорили и, наконец, 75,7% свободно владели татарским языком. В составе научно-технической интеллигенции и руководителей коллективов — татар по национальности — мы встречаемся с другими цифрами: в их рядах соответственно 7,7 и 7,8% совсем не знали татарского языка. Таким образом, большинство татар, овладевая русским языком, сохраняет знание родного языка. Лишь в социально-продвинутых группах наблюдается некоторая тенденция превращения русского языка в родной.

Итак, приведенный, нами материал дает основание для ряда предварительных выводов.

Во-первых, в результате победы социализма в СССР социальные характеристики русских и татар, проживающих в городах ТАССР в основном совпадают и имеют тенденцию к дальнейшему сближению.

Во-вторых, в силу естественного отставания социально-психологических явлений от социально-экономических, возникающие иногда в про-

цессе повышенной социальной мобильности и территориальной миграции населения межличностные конфликты ошибочно воспринимаются некоторой частью населения как национальные.

Вместе с тем, проделанная работа показала, что для дальнейших изысканий в области этнической социологии:

1. Необходимо постоянно вести выборочные обследования социальных отношений в смешанных национальных средах и национальных отношений в разных социальных группах в национально смешанных районах страны.

2. Целесообразно в процессе дальнейших изысканий разработать рекомендации по оптимальному размещению производительных сил с учетом национальных традиций в приложении труда и его разделения.

Конечной целью таких исследований, взятых во всем их комплексе, должна быть выработка рекомендаций по дальнейшему развитию и совершенствованию гармоничных отношений между нациями в процессе дальнейшей интернационализации советской экономической жизни.

ETHNO-SOCIAL STRUCTURE OF THE URBAN POPULATION OF THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (ACCORDING TO THE DATA OF A SOCIOLOGICAL INVESTIGATION)

The results of a representative inquiry among the inhabitants of three cities of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (Kazan, Al'metyevsk and Menzelisk) show that the indexes characterising the level of social development of the Tatars have drawn near those of the Russian population of the Republic. This conclusion is based upon data on socio-occupational structure, social mobility, educational level, earnings, way of life (participation in improvement of production methods and in political life, structure of leisure). Data are adduced showing the frequency of nationally mixed marriages, the national composition of personal friends of people belonging to different socio-occupational groups. The investigation was carried out in September — October 1967. The official statistics of 1959 to 1958 are used in the article.
